

сожительство двух свободных лиц (*ingenuae personae*) без различий сословий⁶².

Другим важным нововведением Юстиниана, пробившим первую брешь в сословных перегородках того времени, было разрешение законного брака между сенаторами и женщинами низкого общественного положения (вольноотпущенницами, актрисами, дочерьми актеров и актрис). Ранее подобные браки категорически запрещались.

Новеллой Юстиниана от 542 г. устанавливалось, что для признания *de jure* брака сенатора или иллистрия с женщиной низкого звания было достаточно согласия жениха и составления формального письменного контракта (*instrumentum nuptiale*), содержавшего назначение приданого (*dos*) и предбрачного дара (*donatio ante nuptias*)⁶³. Характерно, что подобные «неравные» браки были возможны лишь в том случае, если знатный человек сам желал «поднять до себя» женщину низкого звания; без желания вельможи никаких претензий на брак, естественно, такая женщина предъявлять не могла.

Таким образом, этот закон отнюдь не покушался на сословные привилегии высших классов современного Юстиниану общества и во главу угла ставил личную волю сенатора на заключение брака с женщиной низкого звания. Обычно в научной литературе этот законодательный акт Юстиниана объясняется его браком с Феодорой⁶⁴ и влиянием императрицы на законодателя. Однако такое объяснение явно недостаточно. Думается, что основную роль здесь сыграла политическая борьба правительства Юстиниана, опиравшегося на новых землевладельцев, торгово-ремесленные круги и ортодоксальное духовенство, против старой сенаторской аристократии, а также автократические и деспотические стремления Юстиниана уравнивать все сословия перед лицом единого владыки — императора.

В законодательстве Юстиниана, однако, сохранились некоторые ограничения вступления в брак чисто политического характера. Наместникам провинций запрещалось жениться на девушках в той области, которой они управляли (исключение делалось лишь тогда, когда сам наместник был родом из этой же провинции или он был уже помолвлен до вступления в должность)⁶⁵. Целью издания этих запретов была борьба правительства против сепаратистских тенденций наместников провинций, ибо их женитьба на девушках из знатных и влиятельных провинциальных семей могла увеличить их влияние в провинции. С другой стороны, этим пресекалась возможность для наместника использовать свою власть для принуждения девушки к вступлению с ним в брак.

За политические преступления, особенно за оскорбление величества (*crimina laesae majestatis*), полагались самые суровые наказания, распространявшиеся и на сферу семейного права. «Бесчестие» отца всегда переходило на его детей. Имущество государственного преступника конфисковалось, а дети лишались гражданских прав. Жена могла немедленно расторгнуть с ним свои брачные узы⁶⁶.

⁶² CJ, V, 4.23, § 7.

⁶³ Nov. Just., 117, с. 6.

⁶⁴ Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908. стр. 267; F. Matteis. La condizione giuridica della donna nella legislazione di Giustiniano; il femminismo Giustiniano e l'influenza dell'imperatrice Theodora. Torino, 1912; P. Intervoič. Theodora, Kaiserin von Byzanz. Osijek, 1934.

⁶⁵ Dig., XXIII, 2.63.

⁶⁶ Однако пожизненное изгнание, связанное с древним обычаем — «запрещением воды и огня» (*interdictio aqua et igni*), теперь по предписанию Юстиниана не влекло за собой расторжения брака (Nov. Just., 22, с. 13).